

Е. К. Миксон

Народно-поэтические истоки стиля В. Г. Короленко

Обращение к животворному источнику искусства — устному народному творчеству — одна из наиболее плодотворных традиций русской классической литературы. Выдающийся мастер критического реализма В. Г. Короленко в своем отношении к фольклору наиболее близок к писателям из прогрессивного и революционно-демократического лагеря (Гоголь, Некрасов, Шевченко)¹. Он видел в фольклоре духовное богатство народа, его революционное оружие, осуждал словесное фокусничество, ссылаясь на образный и лаконичный язык народа в его пословицах и поговорках. На протяжении всей своей творческой жизни Короленко был собирателем фольклора², широко и своеобразно использовал его в своей художественной практике.

Как писатель, он уделял преимущественное внимание крестьянскому фольклору, созданному в условиях феодального гнета, но, начиная с 90-х годов, у него возникает интерес к поэтическому творчеству социальных групп, порожденных новым экономическим строем³.

Прогрессивным мировоззрением Короленко определяется его отношение к устно-поэтическому творчеству народов родной страны. Особенно глубоким был его интерес к украинскому фольклору. Творческим использованием его в ряде прекрасных произведений («Судный день», «Лес шумит», «Слепой музыкант», «История моего современника» и др.) Короленко вслед за Гоголем и Шевченко много сделал для сближения двух братских культур⁴.

В период сибирской ссылки Короленко внимательно изучал искусство «инородцев», развивая традиции передовой русской фольклористики — декабриста Бестужева-Марлинского, революционеров-семидесятников Пекарского, Виташевского и др.⁵

Активное отношение Короленко к народному творчеству сказалось в том, что он вводил его не только в художественные, но и в публи-

¹ См. Е. Миксон В. Г. Короленко и Т. Г. Шевченко, Запорожье, 1964, стр. 16—18.

² См. Народна творчість та етнографія, Київ, 1961, № 4, стр. 63—70.

³ Архив В. Г. Короленко, п. 12, ед. хр. 1242, Москва, Библиотека им. В. И. Ленина.

⁴ См. Е. Миксон. Короленко и украинский фольклор Наукові записки Запорізького педагогічного інституту, 1957, т. IV, стр. 16—31.

⁵ См. «История моего современника», «Ат-Даван», «Государёвы ямщики», сибирские записные книжки, дневники писателя.

цистические произведения («В голодный год», «Мултанское жертвоприношение», «Сорочинская трагедия» и др.), использовал в своей общественно-политической деятельности, высоко оцененной М. Горьким.

Взгляды Короленко на народное искусство, характер и способы его освоения могут быть осмыслены только в связи с особенностями его творческого метода, эстетическим новаторством — стремлением к органическому сочетанию строгого реализма с вдохновенной, героической романтикой. Не все произведения писателя в этом смысле однотипны: в некоторых преобладает реалистическое начало, в других — романтическое. Замечается, что насыщенность фольклорными элементами произведений с ярко выраженной романтической окраской («Сон Макара», «Лес шумит») больше по сравнению с произведениями другой группы («Река играет», «Без языка»). Различна также идейно-художественная функция фольклора в этих произведениях. Так, введение народной фантастики в рассказ «Сон Макара» и форма сна героя служат писателю средством выражения надежды на скорое пробуждение классового самосознания даже у самых забытых и темных тружеников, на будущее возрождение народа к новой жизни. В образе Тюлина («Река играет») Короленко раскрывает богатые силы народа, способность к героическому подвигу уже не только как скрытую возможность, но и в реальной действительности. Для этой цели писателю не понадобилось «чудо», фантастика; символика здесь менее ощутима, чем в «Сне Макара». Но в том и другом произведении, хотя и по-разному, автор решает главную свою творческую задачу — сказать о русском народе то, что, по словам Горького, до Короленко никто еще не сказал.

Следует отметить жанровое многообразие произведений Короленко, в стиле которых особенно явственно чувствуется народно-поэтическая стихия. Это и полесская легенда («Лес шумит»), и сатирическая сказка в духе щедринских политических сказок («Стой, солнце, и недвижим будь, месяц!»), и стилизованный под восточную сказку философский этюд («Необходимость»), и «Сказание о Флоре», написанное в библейской манере, и своеобразная «фантазия» «Тени», ядро которой составляет легенда о милетском юноше, и даже очерки («Павловские очерки», «Наши за Дунаем», «У казаков»), и неоконченный роман о пугачевском движении «Набеглый царь», и, наконец, художественно-мемуарное произведение «История моего современника» — венец творчества писателя.

В формировании стиля писателя народно-поэтическое творчество сыграло большую роль. Чем глубже и органичнее Короленко осваивал богатства народного творчества, тем художественно совершеннее становились его собственные произведения.

Влиянием устной народной поэзии, прежде всего, обуславливается простота, ясность, необыкновенная выразительность языка Короленко. Немаловажную роль тут сыграли пословицы и поговорки, широко представленные в его художественном творчестве. Из огромного количества русских и украинских народных пословиц, известных писателю, он отбирал именно те, которые наиболее отвечали его творческим задачам, общему стилю произведения, речевому складу отдельных персонажей. Пользовался он ими с большим художественным тактом, производя перестановку слов, добавляя иные слова от говорящего лица, меняя интонацию, обрамляя авторским текстом. Глубоко освоив дух народного творчества, его идейный смысл, Короленко порою вкладывал в уста героев такие выражения и обороты речи, которые по словесной ткани, по композиции не отличались от народных пословиц и поговорок.

«Меж дверей не надо нос совать, чтобы как-нибудь не захлопнули», — предупреждает пан Опанаса («Лес шумит»), который мешал ему поглумиться над Оксаной. Но Опанас угрожает пану, и у того нахоятся иные слова: «Вступишь за меня, мой верный слуга! Я же тебя любил, как родного сына!» И пословицей теперь отвечает развратно помещику слуга: «Ты своего слугу прогнал как собаку. Любил меня так, как палка любит спину, а теперь так, как *спина палку*». Выражение «любит, как собака палку» обогащается новым вариантом, прекрасно характеризующим изменившиеся отношения между участниками драмы.

В рассказе «Судный день» пословицами и поговорками насыщена не только речь персонажей, но и авторская речь. Некоторые из них выражают житейскую «мудрость» обывателей и служат средством характеристики тех, кто их употребляет (мельника, черта): «Где две собаки грызутся, третьей приставать незачем», «Моя хата с краю, я ничего не знаю», «Когда я ем, то в чужой рот каши не кладу, а только в свой». Совершенно идущую идейную нагрузку носят пословицы, отражающие страдания угнетенного народа, его затаенный гнев: «Кто там мерил людское горе, кто считал счетом людские слезы? Никто не мерил и никто не считал, а старые люди так говорят: «Идет или ходит, на одно выходит; что клюкой, что палкой, все спине не сладко». «Из песни слов не выкинешь», потому что в ней все ценно, все — правда. Но не все одинаково воспринимают ее. Может кто от этой песни скачет, а кто плачет»⁶.

Щедро насыщена образными народными выражениями, близкими к пословицам и поговоркам, речь отставного солдата Харька, героя фольклорного типа: «Солдат кому ни служит, ни о ком не тужит», «Я, брат, из всякой печи хлеб едал», — в этих формулах выражено отношение солдата царской армии к службе. Знает Харько и «кому достанется орех, кому скорлупа», и что «лучше синица в руки, чем журавль в небе». Вся речь этого персонажа пестрит такими образными фразами, как «любишь кушать не разжевавши» (то есть собеседник не проявляет в разговоре выдержки), «не люблю таких людей, что возле самого мосту ищут броду» (то есть он предпочитает открытый, прямой разговор). Такая речь делает образ живым, многогранным, подчеркивает в перое житейский ум, выдержанность, немалую долю лукавства.

Метко выражают свои мысли с помощью пословиц и поговорок также и персонажи рассказа «Без языка»: «Мягкому и на доске мягко, а костистому жестко и на перине», «Где Крым, где Рим, а где панская корчма», «Кинули камень в наш огород», «Попасть пальцем в небо». Ловкий и смелый Дыма характеризуется как «битый не в темя». Стремление народа к лучшей доле он выражает пословицей: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

В рассказе «Сон Макара» мы встречаемся с оригинальным приемом использования фольклора: весь сюжет произведения построен на развертывании популярной народной пословицы о бедном Макаре, на которого все шишки валяются, и аналогичной поговорки о том же Макаре, загнавшем своих телят в далекие неведомые страны.

На основе народной фразеологии Короленко вырабатывает свой поэтический стиль. Искусство слова в таких его произведениях, как «Тени», «Сказание о Флоре», «Необходимость», заключающееся в построении четких, глубоких фраз, идет, без сомнения, от народных пословиц. Герои этих произведений чеканят афоризмы исключительно

⁶ В. Г. Короленко. Собр. соч., ГИХЛ. М., 1955, т. 2, стр. 30. Ссылки на это издание — в тексте, указаны том, страница.

высокой смысловой нагрузки: «Воду не сушат водой, но огнем, и огонь не гасят пламенем, но водой; так и силу побеждают силой, которая есть зло», — говорят проповедники непротивления в «Сказании о Флоре». «Огонь не тушат згнем, а воду не заливают водой. Это правда. Но камень дробят камнем, сталь отражают сталью, а силу — силой... Насилие римлян — огонь, а смирение ваше — дерево. Не остановится, пока не поглотит всего. Насилие питается покорностью, как огонь соломой», — возражает им Менахем, протестант и борец (2, 231). Присущее Короленко глубокое понимание того, что теоретическая истина проверяется практикой, также выражается в формах народной мудрости. Менахем уподобляет притчи мехам, в которые наливаются вино; по мехам нельзя определить, какое вино хорошее, а какое — плохое. Вино узнается в употреблении. Так и истина познается опытом, который является пробой истины (2, 230—231).

Влияние устного народного творчества ощущается не в одном только употреблении пословиц и поговорок, но во всем поэтическом складе речи художника: метафоры, сравнения, эпитеты, символические выражения, встречающиеся в его произведениях, говорят об органическом восприятии и освоении писателем самобытной народной речи, ее богатой образности. Чтобы подчеркнуть силу любви Опанаса к Оксане, автор пользуется характерными для фольклора постоянными эпитетами. «Так не стерпит же мое сердце, чтобы *лютый ворог* опять и над ней, и над тобой потешался... Лучше же я его и ее из рушницы, вместо постели, уложу в *сырую землю*» (2, 79).

Особенно хороши своей свежестью, художественной конкретностью выдержанные в народном духе сравнения в произведениях Короленко. «Они стояли одинокие, как стоят в степи две сиротливые елки, которых бьют отовсюду злые метели», — образно характеризует Макар бесприютную старость — свою и своей жены (1, 128). Герой «Соколинца» рассказывает о побеге с каторги: «Как изошли из кустов да тайга-матушка над нами зашумела, — верите, точно на свет народились. Таково всем радостно стало» (1, 152). Здесь поэтический эпитет («тайга-матушка») и сравнение освободившегося из неволи человека с новорожденным выражают свободолюбие героя. Сравнения фольклорного типа употребляются автором для изображения тяжелой жизни народных масс в царской России. На вопрос: «Как себе живете?» крестьяне отвечают: «Живем, как горох при дороге» («Без языка»). Интересен характер сравнений, взятых из привычной для героев сферы сельского хозяйства, из мира природы, выражающих особенности крестьянского мышления: «На море, как в поле на телеге», «Лозищане тянут лямку, как волы» («Без языка»); «Да я вам не сноп на току, чтобы меня вот так колотили», «Стоит себе бедняга, как тот молодой дубок в непогоду» («Лес шумит»). Подбором сравнений автор выражает свое отношение к героям. Типичным для народной поэзии сравнением героини с цветком характеризуется ее внешняя и моральная чистота: «А Оксана в углу у печки стояла, глаза опустила, сама раскраснелась вся, как тот мак середь ячменю» («Лес шумит»). Поэтичны сравнения, характеризующие народных героев и в других произведениях Короленко: «Сыпнули молодичи, будто маков цвет», «Иссохну я без тебя, как былиночка без воды» («Судный день»). Но, когда речь идет о социально враждебных народу типах, Короленко употребляет совершенно другие сравнения. Недалекий, зазнавшийся мельник в рассказе «Судный день» сравнивается то с индюком («голову держит кверху, как индюк»), то с мухой («выручайте меня, как муху из паутины»), то со жукой. Хищничество паня («Лес шумит») раскрывается благодаря сравнению его с ястребом: «Вот же ястреб — панская птица», а об усердном

панском холопе Богдане говорится: «Старый был человек, с дворней строгий, а перед паном — как та собака».

Употребляемые Короленко сравнения весьма часто приобретают форму развернутой метафоры: «С девками оно часто так бывает; говорит-говорит, лопочет-лопочет, как мельница на всех поставках, да вдруг и станет... Подумаешь, воды не хватило... Так где! Как раз полились рекой горькие слезы» (2, 281). Встречаются и такие сравнения, которые производят впечатление живой картинки: «Ходит суровый и невеселый, будто его щенок какой за сердце теребит» (2, 301), «В нашем деле все так, как в колоде с двумя ведрами: одно полнеет, другое пустеет, одно идет кверху, другое — книзу» (2, 321).

Расширенное метафорическое сравнение, которым характеризует-ся Гая («Судный день»), имеет характер пословицы: «Молодой разум с молодым сердцем, что молодое пиво на хмелю: и мутно, и бурлит, а устоится, так станет людям на усладу» (2, 282).

Стиль Короленко приближается к народно-поэтическому и благодаря частому употреблению гипербол, фантастических образов, аллегорий. В форме легкой аллегории, типичной для народных революционных песен, говорит пану о своей судьбе Опанас («Лес шумит»): «Вскину рушницу за плечи и пойду себе в лес... Наберу проворных хлопцев и будем гулять. Из лесу станем выходить ночью на дорогу, а когда в село забредем, то прямо в панские хоромы» (2, 84—85). Опанас угрожает пану, используя аллегоричность народной песни: сравнивая пана с ястребом, который в небе летает, ворон побивает, он говорит, что «у гнезда и ворона ястреба побивает». Народная песня нередко встречается в произведениях Короленко (не все они имеют точное соответствие в фольклористических печатных изданиях). Для Короленко они — чистый источник поэзии и правды: «...в сказке правда, и в песне правда. Только в сказке правда, как железо: долго по свету из рук в руки ходило, заржавело... А в песне правда, как золото, что никогда его ржа не ест... Вот как старые люди говорят» (2, 83).

Своеобразно преломляется в рассказе «Без языка» народно-поэтический мотив о горькой доле. Осип Лозинский решил выехать из родного села, потому что «пока человек еще молод... а за спиной еще не пишит детвора, тут-то и поискать человеку, где это затерялась его доля» (4, 9). И уже от себя автор добавляет: «Не первый он был и не последний из тех, кто, попросившись с родными и соседями, взяли, как говорится, ноги за пояс и пошли искать долю..., биться с лихой нуждой и есть горький хлеб из чужих печей на чужбине» (4, 9). Здесь мы видим, что народное творчество оказывает влияние не только на речь героев Короленко, но и на язык самого автора. Используя постоянные эпитеты («лихая нужда», «горький хлеб из чужих печей»), автор описывает тяжелое чувство разлуки с родиной. В том же рассказе переживания крестьянки, оставшейся без мужа, передаются также в поэтических традициях фольклора («...может, вороны растаскали и мужнины косточки в далекой пустыне, а она тут тратит напрасно молодые лета — ни девкой, ни вдовой, ни мужниной женой» — (4, 11).

Влияние фольклора сказалось также и на изображении природы в произведениях Короленко. Сказочная образность и конкретность народной фантазии отличают пейзаж в рассказе «Сон Макара». Описание введено в изложение сна и выполняет важную идейную функцию. С приближением момента пробуждения сознания Макара чудесно преобразуется пейзаж, как бы предсказывая все то необычное и прекрасное, что обязательно должно случиться: «Теперь стало светло, гораздо светлее, чем при начале ночи. Это происходило, конечно, от того, что они были гораздо ближе к звездам. Звезды, величиною

каждая с яблоко, так и сверкали, а луна, точно дно большой золотой бочки, сияла, как солнце, освещая равнину от края и до края» (1, 116—117).

Суровая сибирская природа враждебна бедняку, и эта враждебность передается, как в народном творчестве, средством олицетворения: «...тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь даже дальние деревья протягивали длинные ветви на его дорожку и хватили его за волосы, били по глазам, по лицу», лисицы «насмешливо смотрели на Макара, поводя острыми ушами», а зайцы «становились перед ним на задние лапки и хохотали, докладывая, что Макара заблудился и не выйдет из тайги» (1, 113).

В рассказе «Судный день» пейзаж в соответствии с фантастичностью сюжета приобретает сказочно-романтический характер: «Мельник подошел к своей мельнице, а мельница вся в росе, и месяц светит, и лес стоит и сверкает, и бугай, проклятая птица, бухает в очеретах, не спит, будто поджидает кого, будто выкликает из омута»... (2, 307).

В рассказе «Убивец» следует указать на очень яркий случай психологического параллелизма. Молодой ямщик полон мрачных предчувствий, и описание природы вокруг подчеркивает эти тревожные чувства: «Место пошло узкое, темное место. Тайга самая злющая, чернь. А на душе у меня тоже черно, просто сказать — чернее ночи» (1, 74).

Параллель между Ветлугой и характером Тюлина, пронизывающая замечательный рассказ «Река играет», также очень близка к столь популярному в фольклоре приему психологического параллелизма: целостность и сила природы Тюлина раскрывается в сравнении с взывавшей рекой.

Исключительно большую роль в раскрытии идейного замысла произведения выполняет пейзаж в легенде «Лес шумит». Следуя фольклорным традициям, автор одушевляет природу. Каждое дерево здесь живое существо, имеет свой голос, характер: трусливая осина лепечет что-то неразборчивое; веселая сосенка «играет-звенит» в хорошую погоду, а в непогоду гудит и стонет; дуб тревожно предупреждает о неминуемой буре. Замечательно, что в произведениях с романтико-аллегорической окраской Короленко использует традиционный образ бури как символ протеста и борьбы. Шумит лес, как бы выражая народный гнев против поработителей («Лес шумит»); грозно плещет море, разбивая свои волны о камень угрюмой башни, в которую заключен жаждущий свободы революционер («Мгновение»). Как в народном творчестве, природа здесь и фон, и активный участник событий.

Часто использует писатель народно-поэтические образы и при описании внешности героев. Портрет Опанаса дан в героических тонах. По контрасту с портретом помещика особенно ярко чувствуется внутреннее и внешнее обаяние доезжачего: «А всех доезжачих красивее Опанас Швыдкий. За паном в гарном казакине гарцует, шапка на Опанасе с золотым верхом, конь под ним играет, рушница за плечами блестит, и бандура через плечо на ремне повешена. А любил пан Опанаса потому, что Опанас хорошо на бандуре играл и песни был мастер петь. Ух, и красивый же был парубок этот Опанас, страх красивый! Куда было пану с Опанасом равняться: пан уже и лысый был, и нос у пана красный, и глаза хоть веселые, а все не такие как у Опанаса» (2, 76—77).

Неизъяснимую прелесть многих рассказов Короленко составляет его заразительно веселый, а подчас острый юмор, близкий к юмору украинских народных сказок и «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

Н. В. Гоголя. В тех случаях, когда речь идет о привлекательных народных героях, юмор автора мягкий. Роман, например, наивно удивляется тому, что нашелся человек, добровольно соглашающийся жениться («Лес шумит»). В форме добродушно-грубоватого народного юмора дается в «Судном дне» портрет подсыпки: «Харя была у этого подсыпки, сказать правду, такая паскудная, что всякому человеку при взгляде на нее хотелось плюнуть. А поди-ты: до девчат был самый проворный человек, и не раз-таки парни делали на него облаву и избивали до полусмерти... Что бивали это, конечно, еще не большое дело, а то чудно, что было-таки, за что бить» (2, 294). В изображении отрицательных персонажей юмор Короленко приобретает другую окраску, превращаясь в сатиру. Источником злого юмора в произведениях Короленко часто служит черт, олицетворяющий в народном творчестве силу, враждебную народу. Отставной солдат Харько («Судный день») в разговоре с чертом сбивает его с толку, наступает ему на хвост, после чего «черт подпрыгнул и завизжал, как здоровая собака» (2, 321).

Диалог у Короленко, живой и остроумный, тоже выдержан в духе народного творчества. Мельник не верит рассказу Харько о черте, которого солдат и сам не видал: «Ну, а вы, господин мельник, когда-нибудь Киев видели? — спрашивает своего собеседника Харько. «Нет, не видел, тоже лгать не буду». «А он таки есть, хоть вы его и не видели» (2, 274). Мельник вынужден сдаться ввиду «неопровержимости» такого довода.

Глубокое влияние поэтического языка народного творчества сказалось и в лексике произведений Короленко. Герои его часто употребляют в своей речи уменьшительные, ласкательные слова, иногда слова с увеличительными суффиксами, придающими им определенный оттенок: «Мамо моя, мамонька! — защебетала Галя. — А это опять проклятуший мельник под оконцем стоит да по стеклу дряпает» («Судный день»). Такую же функцию выполняет обилие восклицательных предложений с характерными междометиями и частицами: «Э, дурак я был бы»; «Эх, и сладко же, правда, целуется эта девка, у-у, как сладко!»; «Эге, это уже видно, становится на свете полночь!» и т. п.

Чрезвычайно близка к революционному крестьянскому фольклору речь бродяги из рассказа «Убивец». Так, например, на вопрос следователя о сообщниках совершенного им убийства он отвечает: «Я да темная ночка, да тайга-матушка — сам-третей» (I, 96). О своем роде-племени тот же бродяга говорит: «Острог мне батюшка, а тайга — моя матушка. Тут и род, тут и племя...» (I, 98).

Язык некоторых романтических героев Короленко имеет песенно-лирическую интонацию, но наряду с народно-песенными в языке писателя отчетливо проступают и бытовые, разговорные элементы. Интересно, что язык персонажей Короленко заметно меняется в зависимости от характера героя и от места действия.

Исключительный интерес для языкового анализа представляет собой «Река играет». Большинство героев пользуются одним из говоров северо-русского наречия. Разговорная народная речь заметно проникает и в язык автора, особенно при раскрытии образа Тюлина.

Нигде у Короленко не замечается тенденции к нарочитой стилизации «под народность», к замене народности упрощенностью; широкое использование фольклора, языковых богатств народа придает его произведениям колоритность, самобытность, истинную красоту, способствует глубокому раскрытию их идейного содержания.

Кафедра русской и зарубежной литературы Запорожского пединститута